

Радек Карл Бернгардович

Портреты и памфлеты

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К23

К23 **Карл Бернгардович Р.**
Портреты и памфлеты / Радек Карл Бернгардович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
333 с.

ISBN 978-5-519-80157-7

ISBN 978-5-519-80157-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПАМЯТИ

НЕЗАБВЕННОГО ДРУГА

ЛАРИСЫ МИХАЙЛОВНЫ

РЕЙСНЕР

БОРЦА И ПЕВЦА

ПРОЛЁТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

КНИГУ ЭТУ ПОСВЯЩАЮ

Карл Радек

МОСКВА, КРЕМЛЬ

В борьбе с Врангелем принимала участие сводная бригада московских и петроградских курсантов. В почном бою за обладание городом Ореховым часть их была взята в плен дроздовцами. На месте казни они должны были сами рыть себе могилу. Они пели при этом Интернационал и под его звуки падали. Памяти их была посвящена речь на собрании московских курсантов 24 октября 1920 г. в здании академии Красной армии. Пусть она послужит вступлением к этой книге борьбы.

Requiem

Сегодня я буду говорить о вопросе, о котором мы должны были бы говорить больше, чем о каком-либо другом, но о котором никто из нас, наверное, вслух никогда не говорит. Нам всем приходилось много раз смотреть смерти в глаза. Многие из нас были в положении, когда казалось, что только чудо может нас спасти. Но ни в эти моменты, ни позже никто из нас не задумывался над тем, что такое смерть, что такое жизнь наша. Почему вы, молодежь, которая еще не жила, вы, которые еще от жизни ничего радостного не вкусили,— почему вы должны спокойно, сознательно идти на опасность, смотреть смерти в глаза и, когда этого потребуют обстоятельства, не только погибнуть, но погибнуть с глубоким убеждением, что эта смерть есть высшее подтверждение жизни, что в этой смерти выражается все, что есть лучшего в нашей жизни; что мы, можно сказать, живем лишь для того, чтобы быть достойными такой смерти. Об этом вопросе никто из нас не думает в момент опасности. Когда же опасность минует, каждый идет на свой пост, делает свою тяжелую работу, и нет у него даже времени подумать об этом, а если бы время и было, то нет уголка, где он мог бы один, сам с собою, подумать об этом.

Сегодня, собравшись, чтобы осмыслить смерть наших героических товарищей, мы все как будто чувствуем, что они не погибли, что они живут в нас, и что мы живем, дабы продолжать их дело. Чувствуя это, мы спрашиваем: было ли время, когда не мы, не рабочая и крестьянская молодежь, а сыновья того самого класса, с которым мы боремся не на жизнь, а на смерть, думали так же, как и

мы,— что стоит умирать за то, чтобы жило отечество, которое они создали.

Это — не праздный, не книжный вопрос. Он помогает нам уяснить себе самый важный источник нашей силы.

Когда буржуазия творила жизнь, она не боялась смерти. Достаточно вспомнить время Французской революции. Это было такое время, когда французская молодая буржуазия взялась за создание новой жизни, когда она разбила старый феодальный, крепостнический строй, когда она освободила мужика-крестьянина от ига помещика, который прикреплял его к земле, освободила от жизни, о которой современники говорили, что она «хуже жизни скота». Когда эта молодая буржуазия начала создавать новую Францию,— Францию человеческой свободы,— то она так высоко ценила эту жизнь, эту новую, ею создаваемую, жизнь, что верила в то, что стоит погибать, лишь бы только победила революция. Если вы вспомните историю французской революционной армии, то увидите, что в ней была та же самая неурядица, что и у нас. Старый офицерский состав был против революции: молодая армия была недисциплинирована,— ей недоставало самого необходимого. Был момент, когда один из вождей Французской революции, Сэн-Жюст, приехав в армию и увидев, что она сражается неодетая и необутая, приказал раздеть жителей города, чтобы одеть армию. Эта голодная, необученная, неодетая армия, без хороших полководцев, научилась сражаться за дело Французской революции не на жизнь, а на смерть. Она сумела отбросить атаки всех современных королей, которые собрались в поход против Франции,— такой же поход, от которого мы отбиваемся уже в течение трех лет. Если прочитать письма и мемуары людей, которые жили в ту эпоху, то что увидим мы? Мы увидим глубокую веру этих людей в то, что та жизнь, за которую они сражаются, будет такой хорошей, что стоит того, чтобы за нее умирать. И это чувство цены новой жизни, которую строила буржуазия, было так сильно, что когда даже членам того молодого класса приходилось погибать в гражданской войне, когда приходилось ожидать смерти в тюрьме, они перед лицом этой самой смерти еще верили, что стоило жить. Прочтите оставшиеся письма Камилла Демулена: он был один из самых выдающихся мо-

лодых революционных писателей этой молодой революционной буржуазии. Как принадлежавший к правому крылу революции, к ее, так сказать, меньшевикам, он попал в тюрьму,— а бросили его в тюрьму представители более радикального крыла, его собственный друг Робеспьер. Камилл Демулен в тюрьме не понимал смысла борьбы правого крыла буржуазной демократии с левым крылом. Ему казалось, что он погибает по недоразумению, случайно. Он пишет в письме к своей жене, что он «смотрит через решетку тюрьмы и видит ее и любимого своего ребенка, и все в нем внутренне потряслось». Но даже в этот момент,— момент, когда этот представитель молодой революционной буржуазии погибает с убеждением, что он гибнет несправедливо, он все-таки так высоко ценит общее дело революции, что перед лицом своего ребенка, которого оставляет, которого страстно любит, перед лицом своей молодой жизни, которая должна быть прекращена, ни на один миг не поднимает руки, чтобы проклясть революцию, которая привела его молодую голову к эшафоту, где ему через несколько часов придется умереть. Или читайте письма сознательных солдат, сынов буржуазии, или крестьян. Они все полны глубокой верой в новую жизнь, которую надо защищать грудью. Буржуазия верила, что она создаст общество, в котором всем людям будет лучше жить. И именно потому, что она так высоко ценила свою новую жизнь, она бесстрашно смотрела смерти в глаза.

Если вы прочитаете философскую или экономическую литературу этой молодой буржуазии, то даже в самых ее жестоких проявлениях вы увидите эту неслыханно-глубокую веру в жизнь. Возьмите буржуазного философа и экономиста тех времен — Мальтуса. Он говорил, что те люди, которые гибнут в экономической борьбе от голода, от холода, это — наименее ценные, неприспособленные к жизни люди. Пусть они умрут: те, которые останутся, будут самыми даровитыми людьми, и они создадут самую прекрасную жизнь. Это возмутило против Мальтуса всех социалистов. Они обрушились на него с брошюрами и книгами, и наш великий учитель Маркс называл его «подлым попом», который защищает капиталистический мир, ведущий людей к смерти. Но столь жестокую философию Мальтус смог открыто проповедывать только потому, что

буржуазия настолько верила в свою великую историческую миссию, что не боялась открыто указывать на путь страданий, через который капитализм ведет человечество к счастью; стоит жить для этого строя, стоит за него умирать. Эту веру вы найдете во всех национальных войнах буржуазии XIX века, которые были войнами за создание условий, необходимых для развития капитализма. Эта вера двигала ту тысячу молодых итальянцев, которые под руководством Гарибальди бросились в бой за освобождение Италии. Тысяча человек поднялась с оружием в руках, чтобы освободить свое отечество, шла на смерть с глубокой верой, что смерть их даст счастье миллионам. С такой же верой погибали в войнах за объединение Германии молодые сыны германской буржуазии. Буржуазия двигала вперед дело общественного развития, она верила в свою будущность, верила в то, что она создает общество счастливых людей, и потому она ценила так высоко свою жизнь, что знала, что стоит за эту жизнь умирать.

Если вспомнить конец XIX века, то такого настроения, такой веры вы уже не найдете в буржуазной литературе. В военных школах учили курсантов буржуазных армий, что нет ничего выше, чем идеал отечества, что за это отечество стоит умирать. Но всякий из этих сыновей буржуазии, если он осматривался вокруг себя, если он был мало-мальски честным человеком, видел, что за жизнь, которую создала буржуазия, погибать не стоит. Что же он видел вокруг себя? Где было равенство, о котором говорила буржуазия? Он видел, как маленькая кучка людей держит в своих руках источники всего, что дает человеку возможность развернуться и жить. Маленькая кучка людей держала в своих руках всю промышленность, все земледелие. Она управляла государством, она жила великолепно: она могла воспитываться, учиться, наслаждаться всем, а широкие массы народа заведомо держались в темноте, в положении рабов. И если сыновья буржуазии хотели бы не видеть всего этого, то жизнь кричала им об этом. Они видели грандиозные забастовки рабочих, видели, как буржуазия принуждена выдумывать против рабочих особые законы, как она преследует рабочую печать, и всякий мыслящий сын буржуазии, когда спрашивал себя, что такое это отечество, получал ответ в словах

Густава Эрвэ, тогдашнего бунтовщика, а теперешнего лакея французской буржуазии: «Это есть отечество богатых, и кто погибает за это отечество, тот погибает для того, чтобы и в будущем маленькая кучка богатых эксплуатировала десятки миллионов бедных; чтобы трудящийся народ был рабочим скотом, чтобы он никогда не мог разогнуть своей спины». И не было ничего удивительного, что наиболее чуткие люди из этой буржуазии начали относиться насмешливо к идее отечества, к идее героической смерти за отечество. Лет 15-16 назад один из самых талантливых английских писателей, Бернард Шоу, сочинил комедию под заглавием «Герой», которую ставили и в России. Она описывает болгарско-сербскую войну. Швейцарский специалист-офицер, который из любви к военному искусству принимает участие в этой войне, высмеивает военное геройство. «Что вы рассказываете о военном геройстве,— говорит он,— часть людей умирает потому, что их принуждают, умирают, или проклиная войну, или как скот, ничего не говоря, и это славные герои... Посмотрите на колени этих героев-кавалеристов: у них все колени изранены, ибо, когда лошадь несется в бой, они, боясь смерти, удерживают лошадь всеми силами».

Эта комедия, высмеивавшая идею геройства, доказывавшая, что не стоит умирать за отечество, обошла весь мир, и все смеялись. «Какой остроумный человек; нет отечества, не стоит умирать». Конец XIX века, это — сумерки буржуазных богов; их литература, их философия показывают, что буржуазия изверилась в своей исторической миссии, что самые лучшие из ее сынов начали понимать, что жизнь, творимая буржуазным классом, пустая, бессодержательная, нечеловеческая жизнь. Слова об отечестве, о героической смерти на поле брани звучали как насмешка. Но буржуазная идея геройства должна была еще раз разгореться бурным пламенем, чтобы навеки погибнуть.

Усилившись благодаря экономическому подъему последних лет XIX века, буржуазия бросилась захватывать громадный азиатский и африканский континент. Перед ней встали новые задачи: сетью железных дорог, пароходных сообщений связать мир, подчинить себе последние уголки земного шара. А сколько романтики таилось для сынов буржуазии за морями и реками, куда надо было

проникнуть с оружием в руках. Империализм,— политика захвата мира для капиталистов,— сделался для капиталистического общества новой возвышенной верой. Буржуазная молодежь, служа корыстным интересам кучки синдикатчиков, воображала, что она идет в бой завоевывать мир для культуры, что она расширит горизонты человечества. Писатели, философы, поэты расширяют старую идею отечества; они проповедают геройский подвиг во имя углубления влияния их «национальной культуры» на новые страны. Мировая война доказала, какие широкие круги охватило это пламя. На войну шли с одушевлением не только сыновья буржуазии. По всей Европе поднялись на зов буржуазии и народные массы, которым буржуазия обещала, что победа сделает их свободными, счастливыми гражданами.

Миллионами лежали солдаты в окопах, в вихре ураганного огня, терзаемые голодом, холодом и болезнями, они имели достаточно времени, чтобы задуматься над целями войны: представители всех буржуазных отечеств, ругаясь с трибун парламентов, разглашали правду о целях войны... Если английский министр разоблачал Германию за то, что она воюет, чтобы у нее не было отнято право эксплуатировать Турцию, Балканы, то английский солдат говорил себе: да, это правда, но ведь английское правительство не для того воюет, чтобы освободить турок, а именно для того, чтобы вырвать их из рук германских капиталистов и отдать в руки английских. Солдаты видели, как война усиливает везде власть самых реакционных, самых грабительских элементов; они видели, как во всех странах, воюющих якобы во имя свободы, уничтожается свобода; как во всех странах, воюющих якобы во имя блага народа, народные массы брошены на ограбление кучке спекулянтов, набивающих карманы в то время, как семьи солдат терпят крайнюю нужду. За идеей «защита отечества» показалось жадное лицо ростовщика; отечество оказалось отечеством богатых.

Война кончилась перед тем, как растущее во всех странах разочарование солдат привело их к восстанию. А когда солдаты вернулись домой,— что увидели они? Для них не было квартир, ибо четыре года никто не строил новых домов. но спекулянты жили в прекрасных кварти-

рах по 8—10 комнат; для солдат не было работы, когда они вернулись домой, ибо спекулянты закрыли фабрики, когда им стало невыгодно их держать. Когда же рабочие находили работу, они видели, как поднимаются цены на все предметы первой необходимости, а заработная плата не успевает подниматься. Им приходилось выносить голод в то время, как те, кто нажился на войне, были господами положения и прекрасно жили. И когда рабочие всех стран начали добиваться своего, то они увидели, что капиталистические государства, которые звали их под знамя борьбы во имя всеобщего блага, имеют для них, для раненых и искалеченных солдат, только свинец, и больше ничего. Инвалиды, со знаками отличия, безрукие шли на демонстрации, а им заграждали дорогу полицейские, нанятые буржуазией для того, чтобы сказать этим рабочим: «Вы были дураками, когда поверили, что существует буржуазное отечество».

Свобода, которую обещала буржуазия народным массам, это — свобода ростовщиков и спекулянтов эксплуатировать их. *Равенство*, которое обещала буржуазия, это — равенство перед лицом жадного капитализма, который говорит: вы должны беспрекословно подчиниться мне, властителю вашей жизни. Мир, который война должна была дать всем, это — ограбление побежденных, это — боязнь, что они восстанут, это — открытое вооружение победителей против побежденных, это — подготовка новых войн между «союзными» победителями, это — война против первого пролетарского государства. Рухнули все надежды народных масс на то, что капитализм сможет создать их отечество.

Кумиры буржуазного мира умирают. Вместо веры в империализм, т. е. веры в то, что капитализм может создать человечеству условия нормального развития, народные массы с каждым днем все более охватываются верой в коммунизм, т. е. в собственные силы, в способность собственными руками объединенных тружеников воссоздать мир из развалин.

Буржуазное отечество гибнет.

Когда в 1917 г. русские крестьяне и рабочие первые встали против империалистической бойни, они прямо покинули массами фронт. Они отказались от защиты гнилого

царского отечества. И это отечество скоро перестало существовать. Рабочие и крестьяне, взяв власть в свои руки, создали свое, рабоче-крестьянское отечество: земля, которую пахали много веков русские крестьяне, очутилась в их руках; фабрики, шахты и рудники, созданные трудами рабочего класса, перешли в его руки. Но народная масса еще не ощущала реально этой перемены,— для нее отечество было еще пустым звуком, и она оставила его беззащитным перед лицом грозного врага. Пока нам удалось создать первые отряды Красной армии, мы призывали рабочих и крестьян к оружию, указывая им, что если они не откликнутся на наш зов, то русская буржуазия подворит при помощи международного капитала снова свою власть, помещики отнимут землю у крестьян, и трудовые массы России сделаются снова «серой скотиной», которую капиталисты будут гнать на войны за дело богатеев, сколько раз им это понравится. Многие указывали народным массам России, что наш призыв к защите отечества является сплошным обманом, что в Советской России и сейчас не существует отечества трудящихся, ибо разве у нас уже восторжествовало равенство, разве у нас нет больше нужды? Но, несмотря на то, что у нас нет еще равенства и что мы живем в неслыханной нужде, крестьянин знает, что в его руках земля и что он ее потеряет, если победят белые. Рабочий класс, который наиболее страдал от нужды, поднимался во всякий момент на защиту Советской России; он посылал десятки и сотни тысяч своих лучших сынов на все фронты, преодолевая усталость, не прислушиваясь к голосам людей, которые обещали ему хлеб за сдачу рабочей власти. Почему? Тут-то мы и подходим к главному вопросу о смысле нашей жизни.

Весь мир в крови, весь мир в развалинах, миллионы людей гибнут от голода не только в России: голод терзает теперь рабочего даже в житнице мира — в Аргентине, которая не видела войны. Два года миновало со времени великой империалистической войны; день за днем усиливается экономическая разруха. Капиталистический класс, который вступил в империалистическую войну, дабы ввести свой капиталистический порядок в Азии и в Африке, разрушил этот самый «порядок» в Европе, которая теперь корчится в муках полной анархии. Уничтожена сеть то-